

С. Г. Леонтьева

**Мюнхгаузен в 1920-е гг.:
к истории авантюризма в детской литературе**

В статье охарактеризованы приключенческие произведения русскоязычной детской литературы 1920-х гг. В период с первых советских переизданий книги о бароне в 1923 г. до второго издания перевода К. Чуковского в 1928 г. советская детская литература пережила настоящий бум авантюризма для детей (С. Ауслендер, П. Бляхин, Р. Волженин, Л. Остроумов и др.). Персонажи и мотивы авантюризма детских произведений 1920-х гг. напоминают немецкого барона-враня и его похождения: это и захватские военные подвиги на полях Гражданской войны, и невиданные путешествия при помощи экстремально-экзотических транспортных средств и пр. При том, что авантюризм сюжетов детской литературы 1920-х гг. наследует книгам о бароне и традиции предшествующей русскоязычной и западной авантюризма литературы, они встраиваются не только в идеологический формат эпохи, но и в более широкий контекст авангардистского изображения нового человека в советском искусстве 1920-х гг., тесно связанный с «социалистической утопией» нэпа.

Ключевые слова: детская литература 1920-х гг., персонажи детских приключенческих книг, авангардистское изображение нового человека в советском искусстве.

S. G. Leontyeva

**Münchhausen in 1920th years:
to the history of children's adventure literature**

The article describes children's adventure literature in the 1920s. Soviet children's literature witnessed a real boom of an adventure genre (S. Auslender, P. Bliakhin, R. Volzhenin, L. Ostroumov and many others) during the period from the first soviet republications of a book about the baron in 1923 till its second edition in 1928 translated by K. Chukovskii. Characters and motives of children's adventure books of the 1920s remind stories about the German baron-liar and his adventures: this includes heroic deeds on battlefields during the Civil war, unbelievable travels with a help of extreme and exotic vehicles and so on. Adventure plots of children's literature of the 1920s succeed not only to books about Münchhausen but to the tradition of earlier Russian and western adventure literature. In this way, they fit both into the ideological format of that era and wider context of an avant-garde way of portraying a new person in soviet art in the 1920s, which is closely connected with «socialist utopia» of New Economic Policy.

Keywords: children's adventure literature in the 1920s, characters of children's adventure books, avant-garde way of portraying a new person in soviet art.

Может и бывальщина, сам-то я не видел такое, а может и было кой-чего.

(Из отзыва на книгу о бароне Мюнхгаузене деревенского ребенка в 1929 г.)¹

На годы нэпа пришелся расцвет формульной нереалистической детской литературы, и прежде всего авантюризма-приключенческой ее разновидности. В этот период традиция авантюризма повествования в детской литературе пережила неимоверный подъем. Об исключительном интересе маленьких читателей к авантюризм повествованию свидетельствуют и результаты обследований читателей-детей, которые велись в эти годы Институтом детского чтения (ИДЧ)². В бюллетенях рецензентской комиссии ИДЧ сообщалось,

что большинство детей склонно читать книги увлекательные, «ужасные», «которые бузу трут – вот бы читануть», «чтобы было побольше крови», «чтобы приключения» и пр.³ «Книги, проведенные через детей», – это в большинстве авантюризм произведения, например «наиболее ходкими авторами» в 1927 г., по данным Ленинградского отдела народного образования, у мальчиков оказались Ж. Верн, Майн Рид, Дж. Лондон (у девочек этих авторов потеснили Чарская, Пушкин и Гоголь), а затем следуют новые советские писатели⁴. Среди

списков «ходких книг» Мюнхгаузен не встречается, нет его и среди книг, рекомендуемых для комплектования детских библиотек, хотя в 1920-е гг. он переиздавался⁵.

Так в 1923 г. в серии «Всемирная литература» в ГИЗе вышел перевод К. И. Чуковского⁶. Несмотря на то, что сам К. Чуковский был крайне обеспокоен авантюристским разгулом в массовой литературе, писал по этому поводу критические статьи, выход нового перевода и другие переиздания Мюнхгаузена знаменовали оживление авантюрного начала в новой детской литературе⁷. Выход переводов К. И. Чуковского, С. Г. Займовского, И. Ренца и множество героико-приключенческих повестей и рассказов 1920-х гг. можно рассматривать как ответ на призывы Н. П. Бухарина создать «коммунистического Пинкертон»⁸.

Сами названия книг для детей, вышедших с 1923 по 1929 г., говорят в пользу их авантюристичности: Р. Волженин «Необычайные приключения товарища Чумички» (1924), А. П. Григорович «Удивительные приключения Петра, Ивана и одного аэроплана» (1925), С. Ауслендер «Некоторые замечательные случаи из жизни Ли-Сяо» (1927), И. Груздев «Жизнь и приключения Максима Горького» (1927) и многие другие. В названии, данном Чуковским новому переводу, – «Удивительные путешествия, приключения и военные подвиги барона Мюнхгаузена» – совмещены все основные авантюрные темы, представленные в названных и других оригинальных и переводных произведениях для детей 1920-х гг.

Которые бузу трут – вот бы читать

Героико-приключенческая литература 1920-х гг. – это десятки произведений, посвященных героическим будням революции и Гражданской войны. Еще в предшествовавшее десятилетие события Первой мировой войны и участие в ней детей активизировали формирование военно-героического канона в детской литературе (например, книга «Дети-герои на войне», вышедшая в 1915 г.), начавшееся еще в XIX в. Однако именно в 1920-е гг. изображение героических событий и геройских поступков все более начинает напоминать военные подвиги Мюнхгаузена⁹. Типичными примерами таких залихватски-завиральных сюжетов стали «Необычайные приключения товарища Чумички» Р. Волженина¹⁰, «Красные дьяволята» П. Бляхина¹¹, «Макар Следопыт» Л. Остроумова¹², «Дни боевые» С. Ауслендера¹³, «Красный бакен»

С. Григорьева¹⁴, «Федька Кувылда» Д. Четверикова¹⁵, «За отцом» В. Д. Ряховского¹⁶. Героями этих произведений были и взрослые, и дети. И те, и другие по-мюнхгаузеновски бойкие и brave воины. Например, товарищ Чумичка проявляет себя воякой-храбрецом:

Хоть устал и ослаб –
Приезжает ночью в штаб.
Узнает, что Петроград
Взять начальники хотят.
Всех порезать, всех побить,
Люд рабочий загубить,
Матерей в тюрьму забрать,
А ребят отодрать.
Чумичку приодели
В шинель и новый шлем.
Чумичка первый в деле –
Не сдаст ни перед кем.
Вояка наш недаром
Храбрец и большевик:
Он вместе с комиссаром
Садится в броневик.
Броневик летит,
Тарахтит,
Пыхтит,
А в него-то летят
За снарядом снаряд,
Разрываются,
Ударяются...¹⁷

Новые герои – дети-пионеры – совершали «необычайные поступки», далеко выходящие за границы возможного. По словам Е. Балашова, героями подобных авантюрных сюжетов становились «красные партизаны», которые, столкнувшись лицом к лицу с «классовым врагом» (попав в плен к белым и т.п.), «ловко, быстро и просто преодолевали все опасности и препятствия и выходили победителями злодеев, противников. Белые же представлялись негодьями, обжорами, пьяницами, лентяями и дураками, так что обмануть и победить их не стоило никакого труда»¹⁸. И действительно, все дети-герои – летучие, скачущие, побеждающие Махно и Деникина и прочих «врагов советской власти», весьма напоминают героя осады Гибралтара и Очакова – героя в высшей степени смелого, находчивого, успешного на рискованном поприще. Понятно, что сводить приключенчество советских пионеров и комсомольцев к авантюристике Мюнхгаузена нельзя, но погони и скачки, облавы и аресты, провалы и катастрофы, из которых главные герои всегда

находят хитроумный выход, на фоне переиздания Мюнхгаузена видятся особенно выпукло.

Тем временем подобные произведения ожесточенно критиковались за отсутствие правды действительности: «Реальная действительность дает бесконечно богатый, разносторонний, постепенно усложняющийся материал для формирования всех сторон растущего детского организма. Материал этот, взятый без всяких искажений, утрировок, домыслов, постепенно организует опыт ребенка, ориентируя его в явлениях природы и общественной жизни, и в то же время повышает пластичность и творческие возможности ребенка, не уводя его от действительности, а ведя к ней»¹⁹. В обсуждение границ правдоподобности и реалистичности были втянуты, казалось бы, вполне лояльные авторы и даже активные сторонники советской власти: П. Бляхин²⁰, С. Ауслендер, Л. Остроумов, Л. Гумилевский и многие другие.

К 1929 г. эти авторы получили жесткие политические ярлыки: «Кого мы называем приспособленцами? Писателей, спекулирующих на революционных темах, дающих антихудожественные и антипедагогические вещи, фальсифицирующие революционный пафос»²¹. Критика приспособленцев приобретала адресно направленный агрессивный характер, так И. А. Желобовский, в 1930 г. обличая Льва Остроумова, писал о его книгах: «Героики гражданской войны в них нет. В цепи штампованных положений, из которых они состоят, слишком очевиден примат приема. Авантюрная форма, не преодолевая материала, а прошедшая мимо него, заменившая пафос настоящей борьбы легким анекдотом, нам не нужна»²². В своей статье со знаковым названием «В защиту жанра („Небывальщина «и романтизм»)» Остроумов отстаивал право на авантюрную героику, доказывая, что герои романтического произведения – это герои советские: «Они наделены исключительными качествами, им всегда все удается, побеждают ли они кентавров или драконов, освобождают ли страну от гнета мавров, строят ли социализм в окружении капиталистических стран»²³. И совсем вразрез с социальным заказом провозглашал: «Наша задача – воспитать сильного и предприимчивого гражданина»²⁴.

А это называется удивительные приключения – быть

Таких предприимчивых молодых геро-

ев к концу 1920-х гг. накопилось достаточно много. Помимо участия в военных действиях, они по-мюнхгаузеновски путешествовали. Путешествовали герои детской литературы с двумя целями: это либо страны, в которых в ближайшем будущем грянет мировая революция (чаще всего освещается политическая жизнь Китая и Германии как главных претендентов на продолжателей мировой революции), либо неразвитые и забытые туземные страны. В книжке Владимира Юрезанского «Клад» с подзаголовком «Повесть о юных пионерах, их жизни, подвигах и приключениях»²⁵ по приглашению германских пионеров русские пионеры едут в Гамбург, на обратном пути в Польше делегатов арестовывают, но товарищи заключенных находят клад в скифской могиле, подкупают тюремщиков, и делегаты бегут из тюрьмы. В авантюрной повести Павла Тупикова²⁶ «Комсомольцы в дебрях Америки»²⁷ происходят аналогичные события: по поручению комсомола двое юношей едут в Каир для установления связи с местной организацией и получения информации о юндвижении (!). В Каире у приехавших похищают чемоданы со всеми документами, им приходится искать заработка. Они нанимаются в торговую экспедицию, отправляющуюся в глубь Африки (попутно они продолжают обследование континента на предмет юных африканских пионеров), и в итоге хитроумно проходят все испытания. Заметим, что иные земли изображаются, как правило, с резкой социальной критикой в традициях политической сатиры, свойственной «Мюнхгаузену» Бюргера.

Помимо бравости и смекалистости в преодолении неожиданных препятствий, героям подобных произведений свойственна традиционная для авантюрного повествования легкость перемещения в пространстве:

Брошен Мишка
В кучу с книжкой
Там, где слон лежит без глаз.
А без дела
Надоело, –
На коня и на Кавказ!
Он без страху
взял папаху,
Сунул ноги в стремя
Где- же бурка?
Гей, каурка!
За страной летит страна²⁸.

Несмотря на то, что «нет дорог меж гор в глуши», герой успеваает навестить и чеченцев, и осетин, и ингушей, и карачаевцев... Отправляются герои и в Китай, и в Египет, и в Африку, и в Америку...²⁹

В стихотворении «Идем за львом» С. Преображенского, имеющем подзаголовок «Необычайное приключение с музыкой, танцами и пением», герои отправляются в Африку, посмотреть на тамошних зверей. Никакие препятствия не мешают их стремительному передвижению:

Мы – туристы-следопыты,
Нам в пути помехи нет.
Мы идем, где лев сердитый,
Где удавы в километр.
Луки туги, остры стрелы.
Не робей, иди вперед!
Где таких видали смелых?
Кто таких, как мы, найдет?
<...>

Ваня Вот какое горе – на пути у нас море!
(Маня начинает всхлипывать.)

Ваня Ты не плачь, Маня, мы перелетим его на аэроплане! <...>

Ваня Есть контакт? Даешь контакт!
Маня Мы летим – и это факт!
Ваня Забирай повыше путь!
Маня Лишь бы месяц не столкнуться!³⁰

Герой стихотворения Г. Шапошникова отправляется во сне в Китай:

Быстро сел в аэроплан
И над городом-столицей
Полетел могучей птицей.
– «Летчик, – прямо направляй
И лети скорей в Китай!»
Пролетели над Уралом,
Славным озером Байкалом.
Словно в сказке-небылице
Ваня вихрем-вихрем мчится..
Вот и дивный, новый край –
Удивительный Китай!³¹

Пионер Мишка во сне на аэроплане летит над страной, прилетает за границу в тюремный двор, забирает оттуда сидящих за решеткой «вождей» и т.п.³² Пожалуй, самый распространенный способ перемещаться – прицепиться к крылу аэроплана. Именно так спасается от фашистов Федя Рудаков:

Но враги устали.
И враги отстали.
До аэроплана

добежав сквозь мглу,
В страхе видит Федя:
самолет уж едет...
Прицепился Федя
вмиг к его крылу...³³

Так перемещается Чумичка, так же перемещается Маляр Сидорка в рассказе М. Андреева³⁴, его зацепил аэроплан и понес в Индию, где Сидорка всех приходящих к нему зверей по их просьбе красил в красный цвет. Затем аэроплан с Сидоркой попадает в море, а потом уже с помощью кита герой попадает в Ленинград. Так перемещается и Чуч-ло В. Лебедева³⁵, автор вообще помещает своего героя в ситуации, типологически сходные с теми, в которые попадал знаменитый барон: «Жил на огороде индейский костюм Чуч-ло, и все его боялись. Было ему скучно. Тогда он придумал одну штучку – притворился очень добреньким. Стал он совсем не страшный, вороны на него сели, а он к ним прицепился. Посидели-посидели вороны и полетели. Долетели они вместе до дерева, Чуч-ло задел рукавом за веточку и повис на ней»³⁶, затем он перестрелял стадо бизонов, заткнул собой дырку в тонущем корабле, замерз и заснул, его съел медведь – он отогрелся в животе, «разрезал медведю брюшко и вылез»³⁷.

Разворачивающаяся с середины 1920-х гг. дискуссия о методе в детской литературе содержала резкую критику подобных произведений: «Все эти новые дети, все эти фабзайчики и пионеры удивительно похожи один на другого: все одинаково бодрые, жизнерадостные, всегда готовые, всегда говорят одинаковой речью, то гладкой, как пункты инструкций, то задорно-косноязычной, как кружковый жаргон»³⁸.

Между тем такой тип героя детской книжки более чем согласуется с литературным контекстом эпохи – механистичный «авантюрист» является не только частью детской литературы³⁹, но встраивается и во взрослые поиски нового героя в литературе, и в более широкий контекст авангардистского изображения нового человека в советском искусстве 1920-х. К тому, чтобы изобразить ребенка 1920-х гг. как человека авантюрного, давала предпосылки и социально-историческая действительность: а именно различные репрезентации мобильности в детской жизни 1920-х – смены (порой неоднократные, взаимобратные) социального статуса, миграция по стране и за ее пределы и пр.⁴⁰ Образ жизни

литературных героев отражал действительную детскую жизнь с ее нестабильностью, чревато-стью потери дома и родителей, вынужденными или желанными возможностями уехать на стройку/фронт/могилу к Ильичу и т.п.⁴¹ Однако педагогическая критика не готова была мириться с таким «предприимчивым реализмом».

А кабы не врал, и интересу не было бы

Неправдоподобная авантюристичность, ее вольная и невольная гротескность в литературе для детей в устах педагогов 1920-х гг. постоянно вызывают напряженные размышления о пределах правдоподобия в литературе⁴². Пожалуй, единственной альтернативой отвергаемой педагогами сказке стал сон, сон как литературный прием, рамка для неправдоподобных приключений. Любопытно, что и для самих детей сон – это достойный способ легитимизации недоверности. Так в одном из детских отзывов о Мюнхгаузене содержится следующее рассуждение: «Я так думаю, он главного-то и не написал, вот мол с пьану мне такое преставляется или еще как, сон там приснился или еще как...»⁴³.

Действительно, многие сюжеты авантюриной детской литературы 1920-х гг., в том числе и вышеописанные, строятся на разграничении яви и сна: герой засыпает, ему снится сон⁴⁴.

У костра ребятам
на траве примятой,
Федя сон чудесный
ловко рассказал...
Эй, ребята, Федю
бросьте звать «медведем»
Федя... у фашистов
знамя отобрал.
Это, Федя, дело! –
И вожатый хлопнул
по плечу Федюшку,
повалил в траву:
Ты таким, вот, смелым,
ловким, расторопным
будь не только в грезах,
но и наяву!⁴⁵

Дидактическая позиция не допускает разнотчений: героем надо быть наяву. Но педагогической трезвости не мешают новые идеологические веяния – в новую нестабильную утопическую эпоху невозможное становится возможным, сны оборачиваются явью, вранье – правдивой историей. Граница между вымыслом и правдой факта размывается. Противопостав-

ление грезы/явь вообще очень существенно для 1920-х гг., но при всем том фантазирование о летучих и прытких фабзайчиках имеет и другое измерение: в пореволюционных условиях это бахвальство приобретает иной оттенок – оно качество нового ребенка, ищущего подвига, которому всегда есть место в жизни. «Социалистическая утопия» нэпа, в том числе и в литературе, была склонна фантазировать о новом человеке: его биологическом и психологическом совершенстве⁴⁶. Поэтому и вытаскивание себя за косичку из болота может быть рассмотрено в ряду новых нечеловеческих возможностей авангардного человека 1920-х гг.

Так или иначе педагоги твердо стояли на своих прореалистических позициях. Неслучайно особое (но не пристальное) внимание педагогической общественности привлекают наглые вралы: «Есть целый ряд „нелепых“, преувеличенных и неправдоподобных приключений часто с фантастическими героями (приключения паяца, приключения малюток-эльфов, приключения озорников, – знаменитые Макс и Мориц, – вралей, вроде барона Мюнхгаузена и т.п.)»⁴⁷. Вышеназванные решительно осуждаются, так как бахвальство и преувеличение своих возможностей расцениваются как принадлежность неразумного буржуазного строя.

Тем временем в 1929 г. в одной из педагогических статей среди других результатов обследования детей-читателей приводится любопытный «подслушанный разговор мальчиков 13-, 14- и 15-летнего возраста»:

Возвращая барона Мюнхгаузена, мальчик 15 л. говорит: «Опять не рад, что взял... неинтересно: наврато».

Мальчик 13 л. спрашивает: «А про что писал?» – «Да так, про одного вруна... хвастает все один там, немец какой-то что ли».

Мальчик 14 л. вступает в разговор: «Вот то да, не слушайся его, книжка что надо, оборжешься читамши, пуцай его врет, здорово».

Мальчик 13 л.: «А кабы не врал, и интересу не было бы, вот надись интересную читал, „Конек-Горбунок“...» – «Ну то сказка, сказку читать, кто любитель, в сказке всегда ложь, знает что плетет, а это называется удивительные приключения – быть»⁴⁸.

В этом обсуждении показательно следующее – мальчикам 13–14 лет, и они деревенские читатели, что подтверждает – в 1920-е гг. Мюнх-

гаузен входил в круг чтения не только школьников I ступени, но и детей постарше, тех же, что читали Бляхина и Остроумова. У этой книги, как кажется, тогда и всегда была своя читательская аудитория.

Однако на обширном фоне довольно ожесточенных «рассуждений о методе» – быть или не быть реализму в детской литературе – целенаправленно о Мюнхгаузене не вспоминали. Можно предположить, что игнорированию барона со всеми его историями способствовала очевидная классовая чуждость героя, хотя, казалось бы, она могла стать удобным поводом для заклеивания книги, но не стала. В конце концов немаловажную роль сыграла сомнительная репутация этого текста у педагогической общественности, сложившаяся задолго до 1920-х гг., и как следствие этой репутации – инерционное пренебрежение к Мюнхгаузену. Гораздо актуальнее оказалось обличить «мутноглазых» современников (вроде самого автора перевода – Чуковского) и остальных извращенцев революционного пафоса.

К концу 1920-х гг. критика приключенческой литературы звучит все настойчивей, к началу 1930-х формулируется максимально безапелляционно: педагоги не могут согласиться, что в приключенческой литературе «чудесами и удалью легко преодолеваются те конкретные страдания и те действительные препятствия, с которыми сталкиваются живые пролетарские ребята»⁴⁹. И хотя известная деятельница в области изучения и контроля детского чтения А. Покровская утверждала еще в 1927 г.: «Темы социальной и политической борьбы занимают в детской книге главное место, вытеснили большинство старых сюжетов <...>. В два-три года создалась детская книга, идеологически соответствующая новым заданиям. Основное содержание этой новой книги – быт»⁵⁰, ее оптимистичное суждение не соответствовало литературной действительности, оно скорее отражало стремление библиотекарей и педагогов выдать желаемое за действительное.

В 1928 г. выходит второе издание Мюнхгаузена в переводе К. Чуковского (правда, под более скромным названием «Приключения Мюнхгаузена»), а в журнале «Пионер» в том же году публикуется «Красный Мюнхгаузен». Мюнхгаузен в этом журнальном изводе советизируется, но выглядит эта попытка случайной и более к ней не возвра-

щаются. Таких случаев в детской литературе (и не только детской), когда к имени героя с пользой и без пользы приставлялся эпитет красный, было немало, например, рассказ М. Францева «Красный Ромуальд» (1923) о «вожде тружеников долины», поднявшем восстание земледельцев при некоем короле, жившем «на высокой горе, над широкой рекой» в «старом королевском замке» и владевшем «закованными в железо рыцарями»⁵¹, рассказы Л. Лариной «Красные шапочки» и «Тонио красный»⁵². В первом случае красные шапочки надели на себя пролетарские дети, отправившись на демонстрацию протеста, а во втором – так зовут итальянского циркача-антифашиста, которого фашисты пытаются убить прямо на арене цирка за цвет его одежды, поэтому он уезжает к пионерам в Россию, где «не бьют детей за то, что они надевают красные платья»⁵³. Мюнхгаузен же легко расстался с красным платьем, единожды его надев.

Таким образом, в 1930-е в гг. официальном библиотечно-педагогическом дискурсе уже окончательно доминирует лозунг, сформулированный Н. Богдановичем в его статье «Агитация в детской литературе»: «Горячее публицистическое слово часто может быть доходчивее иной беллетристической преснятины»⁵⁴. Книга П. Бляхина «Красные дьяволята» с 1928 г. не будет переиздаваться до 1960-го, а в 1937 г. будет репрессирована (до 1958 г.), в то время как перевод К. Чуковского в 1930-е гг. выдержит 7 переизданий и затем будет переиздаваться практически каждый год.

Примечания

¹ Обнимская Ю. Дети в деревенской библиотеке // Книга детям. 1929. № 1. С. 47.

² Например, с 1923 г. выходил «Бюллетень» (Новые детские книги / Ин-т методов внеш. работы, Отд. дет. чтения. М., 1923–1928), отчеты ИДЧ и региональных библиотек публиковались в библиотечной периодике: «Красный библиотекарь», «Книга детям» и др. Сводные данные по кругу детского чтения по этим материалам см.: Добренко Е. А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 70–73.

³ Обнимская Ю. Указ. соч. С. 42.

⁴ Лилина З. Отбор лучшей литературы // Книга детям. 1928. № 1. С. 7.

⁵ Редкий случай, когда Мюнхгаузен встречается в каталогах-указателях: «Слушай, пионер: каталог

книг для пионеров» (М.; Л., 1926). Книга о Мюнхгаузене рекомендуется для среднего возраста. В обзорах приключенческой литературы Мюнхгаузен не упоминается (см. например, достаточно представительный обзор: Нестеровская А. Как относятся дети к приключенческой литературе // Крас. библиотекарь. 1929. № 2. С. 41–54; № 3. С. 41–52).

⁶ Распе Р. Удивительные путешествия, приключения и военные подвиги барона Мюнхгаузена: сокращ. изд. для детей сред. возраста/пер. с англ. под ред. Чуковского. Пг.; М.: ГИЗ, 1923. (Всемирная литература).

⁷ С 1923 по 1928 г. (до переиздания перевода К. Чуковского) вышли еще два перевода (С. Г. Займовского и И. Ренца, первый в двух изданиях). О переводах Мюнхгаузена, выполненных в 1920-е гг., см.: Блюм А. В. Каратель лжи, или Книжные приключения барона Мюнхгаузена. М., 1978.

⁸ Об отклике взрослой литературы на этот заказ см.: Маликова М. «Скетч по кошмару Честертона» и культурная ситуация нэпа // Новое лит. обозрение. 2006. № 78. С. 32–59.

⁹ Ср., например, об этом у Е. М. Балашова: «Наиболее перспективными в отношении политического воспитания являлись те сочинения, которые учитывали возрастные особенности интересов детей и были максимально приближены к этим интересам. Именно это и подтверждают примеры большой популярности книг, авторы которых использовали традиционные приемы авантюрно-приключенческого жанра: стрельбу, погоню, скачки, смертельно опасные ситуации, из которых главные герои всегда находят хитроумный выход. Однако события в этих книгах разыгрывались теперь не в североамериканских прериях, а в России времен Гражданской войны, и борьба героев за добро и справедливость уже не носила отвлеченно гуманный характер, а окрашивалась определенными политическими лозунгами» (Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: становление нового человека. СПб., 2003. С. 40).

¹⁰ Волженин Р. Необычайные приключения товарища Чумички. Л., 1924.

¹¹ Бляхин П. Красные дьяволята. Харьков, 1923.

¹² Остроумов Л. Макар Следопыт. М., 1925.

¹³ Ауслендер С. Дни боевые. М., 1926.

¹⁴ Григорьев С. Т. Красный бакен. М., 1924.

¹⁵ Четвериков Д. Федька Кувылда. М.; Л., 1926.

¹⁶ Ряховский В. Д. За отцом. М., 1926.

¹⁷ Волженин Р. Указ. соч. С. 19–20.

¹⁸ Балашов Е. М. Указ. соч. С. 38.

¹⁹ Моложавый С. По вопросу о реализме в детской литературе // Новые детские книги. М., 1926. Сб. 4. С. 6.

²⁰ Так, в критической статье А. К. Покровской

«„Приключения“ в современной детской литературе» дается обзор 19 книг, среди которых «Красные дьяволята» П. Бляхина аттестуются как «типичный и яркий образец „красной романтики“ для детей, наивный и лубочный» (Покровская А. К. «Приключения» в современной детской литературе: (обзор 19 книг) // Новые детские книги. М., 1926. Сб. 4. С. 43), а сам П. Бляхин характеризуется как «талантливый продолжатель Чарской, лишь контрастный по окраске. Так же негативен и язык его повести по сравнению с языком творений Чарской. Вместо институтского жаргона он употребляет жаргон комсомольский» (Там же. С. 44).

²¹ Дитрих Ю., Олейников Н., Беленко, Кетлинская В. Декларация ленинградской группы детских писателей-коммунистов // Книга детям. 1929. № 6. С. 2.

²² Желобовский И. А. Против снижения жанра (По поводу статьи Остроумова) // Там же. 1930. № 1. С. 25.

²³ Остроумов Л. В защиту жанра («Небывальщина» и романтизм) // Там же. 1930. № 1. С. 22.

²⁴ Там же.

²⁵ Юрезанский В. Т. Клад: повесть о юных пионерах, их жизни, подвигах и приключениях. М., 1927.

²⁶ Писал под псевдонимом «Павел Георгиевич Низовой».

²⁷ Низовой П. Г. Комсомольцы в джунглях Америки. М., 1923.

²⁸ Янчевский Н. Сказ про Северный Кавказ. Ростов н/Д, 1927.

²⁹ Жуков И. Приключения пионеров в Египте. Харьков, 1926; Милевский Т. Пионер в Америке. М., 1925; Григорович А. П. Удивительные приключения Петра, Ивана и одного аэроплана М.; Л., 1925.

³⁰ Преображенский С. Идем за львом // Затеяник. 1929. № 5. С. 16.

³¹ Шапошников Г. Ваня в Китае. М., 1927.

³² Гранов В., Гарбычев Н. Воздушные делишки пионера Мишки. М., 1925.

³³ Жаров А. Приключения Феди Рудакова. М., 1926. С. 10.

³⁴ Андреев М. И. Маляр Сидорка. М., 1926.

³⁵ Лебедев В. Приключения Чуч-ло. М., 1922.

³⁶ Там же. С. 3.

³⁷ Там же. С. 12.

³⁸ Марголина С. О беллетристике в детских журналах // Нар. учитель. 1926. № 9. С. 14.

³⁹ См. об этом на материале детской иллюстрации 1920-х гг.: Штейнер Е. С. Авангард и построение нового человека: искусство совет. дет. кн. 1920-х гг. М.: Новое лит. обозрение, 2002.

⁴⁰ См. об этом работы по социальной истории: Сальникова А. А. Трансформация идеалов и жизнен-

ных ценностей русской девочки/девушки в первое послеоктябрьское десятилетие // Социальная история: ежегодник. 2003; Женская и гендерная история. М., 2003. С. 411–435; Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг. Краснодар, 2002; Его же. Молодой человек 20-х гг.: протест и девиантное поведение // Социол. исслед. 1999. № 7. С. 107–114; Его же. Бунтующая молодежь в нэповской России // Клио. 1999. № 1. С. 139–154.

⁴¹ Достаточно вспомнить растиражированный в детской литературе рассматриваемого периода сюжет побега из дома, например на похороны к Ильичу.

⁴² Содержание этих дискуссионных размышлений см. в публикациях тех лет: Касаткина Н. Предел допустимости антропоморфизма в детской книжке // Книга детям. 1928. № 2; Прушицкая Р. Пределы антропоморфизма в детской книжке // Там же. № 3. С. 4–5; Романенко А. По вопросу антропоморфизма и анимизма в детской художественной литературе // Там же. С. 3–4; Флерина Е. Антропоморфизм в литературе для дошкольника // Там же. № 2. С. 3–4; Яновская Э. Нужен ли антропоморфизм в дошкольной литературе // Там же. № 4. С. 7–9; Ее же. Нужна ли сказка пролетарскому ребенку // Из опыта исследовательской работы по детской книге / ред. Э. И. Станчинская, Е. А. Флерина. М., 1926.

⁴³ Обнимская Ю. Указ. соч. С. 46.

⁴⁴ Помещение авантюрных событий в рамки сно-

видения – характерный прием и в детской литературе XIX в., однако в 1920-е гг. «сонный прием» приобрел новые обертоны. Ср. на материале другого жанра – колыбельной – попытки обновить его в соответствии с политическими задачами в 1920-е гг. Об этом см. Богданов К. Право на сон и условные рефлексy: колыбельные песни в советской культуре (1930–1950-е гг.) // Новое лит. обозрение. 2007. № 86. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/bo1.html> (дата обращения 17.11.2010).

⁴⁵ Жаров А. Приключения Феди Рудакова. М., 1926. С. 13.

⁴⁶ Подробнее об этом, например, в работе М. Маликовой о возникновении нового героя советской беллетристики 1920-х гг. в контексте массовых квазинаучных идеологем названного периода: Маликова М. Указ. соч. С. 32–59.

⁴⁷ Покровская А. К. Указ. соч. С. 17.

⁴⁸ Обнимская Ю. Указ. соч. С. 37–47.

⁴⁹ Трифонова Т. Революционная детская книжка // Детская литература: крит. сб. М.; Л., 1931. С. 26.

⁵⁰ Покровская А. К. Основные течения в современной детской литературе. М., 1927. С. 12.

⁵¹ Францев М. Красный Ромуальд. Орел, 1923. С. 3, 50, 60.

⁵² Ларина Л. Красные шапочки. М.; Л., 1928.

⁵³ Там же. С. 54.

⁵⁴ Богданович Н. Агитация в детской литературе // Детская литература: крит. сб. М.; Л., 1931. С. 57.